

* * *

Н.В. Петрова (Мосина)

Когда Наташа Макеева написала, что никто из наших, с нашего курса, который курировал Яков Юрьевич, до сих пор не написал ничего для книги воспоминаний о нём, я подумала: «Как же так?» Но потом поняла – мои воспоминания мне кажутся такими негромкими, что ли (по-моему, совсем не для книги). Видимо, и у других моих сокурсников возникли такие же сомнения. Дело в том, что Яков Юрьевич каким-то необъяснимым образом участвовал в жизни каждого своего подопечного, очень деликатно и так естественно, что это казалось само собой разумеющимся, так что и рассказывать вроде бы нечего.

Первый наш колхоз. Не тот, который помнят все, на пятом курсе – с рестораном, хорошей погодой, купанием в реке, достаточно быстрым «выполнением плана и фронта работ», а долгий, с холодными дождями, снегом уже во второй половине сентября, полупустым сельским магазином, в котором мы раскупили все до единой несколько лет стоявшие там банки черноплодной рябины...

Не могу вспомнить, почему я оказалась сидящей в одиночестве у небольшого костра поздно вечером. Наверное, Надя Кузнецова, с которой я тогда подружилась, ненадолго отошла. И вдруг ко мне подошёл Яков Юрьевич, присел напротив, спросил, как самочувствие, настроение, – в общем-то, ничего необычного, но я почему-то и сейчас помню не только слова, но даже его интонацию.

Потом разговор «вырулил» к моим интересам в музыке, и Яков Юрьевич рассказал мне столько интересной, «направляющей» информации, что я, попав в Большой зал Ленинградской филармонии уже в октябре того же года, до сих пор остаюсь постоянным посетителем разных музыкальных площадок Питера, и это для меня – один из самых любимых видов отдыха.

А потом к костру вернулась Надя, и мы стали рассказывать анекдоты. Яков Юрьевич тоже рассказывал, и мы все втроём хохотали. И как-то на душе потеплело, и стала светлее ночь, и дождь казался не таким сырым и противным.

Мне при поступлении на первый курс общежития не дали. Мы с Таней Хабаровой снимали комнату недалеко от мат-меха. И в перспективе общежитие нам светило в лучшем случае не раньше второго курса, а то и позже. И вдруг после первой сессии нам обоим дают общежитие. Экзамены сданы, каникулы, переезд в общагу – просто праздник!

И только через полгода, перед летними каникулами, я нечаянно узнаю от коменданта общежития, что за нас ходатайствовал Яков Юрьевич. Для меня так и осталось загадкой, откуда он узнал, что мы снимаем жильё и что живём вместе. Но то чувство теплоты, которое я тогда испытала, благодарности, радости – это то, что всегда со мной, как «маячок» на добрые дела.

А ещё помните, на первом этаже, у входа в раздевалку, регулярно появлялась абсолютно питерского, даже «белогвардейского» вида дама, как тогда говорили, «распространявшая билеты» в залы филармонии и театры? Мне об этой даме поведал Яков Юрьевич и назвал её имя-отчество. Он помнил, казалось бы, и такие мелочи, которые мелочами совсем не являются.

Третий курс: распределение по кафедрам, выбор направления, руководителя дипломной работы. Я – в полном «раздрае», как сейчас говорят. И опять не помню, как и почему Яков Юрьевич спрашивает, куда я собираюсь «направить стопы свои», точнее, зачатки мыслей в самостоятельной работе в науке с названием «Математика». И подробно, очень обстоятельно рассказывает о тех или иных направлениях, отвечает на мои не всегда внятные вопросы, рекомендует ознакомиться с какими-то работами наших преподавателей, чтобы иметь представление о своём будущем руководителе диплома. Он посвятил мне почти час времени тогда. Много лет спустя, будучи сама преподавателем, я смогла по-настоящему оценить этот дар Якова Юрьевича.

Ну, и конечно не могу не сказать, что бесконечно благодарна нашему дорогому и любимому Якову Юрьевичу за распределение после окончания мат-меха. Именно он тогда сказал: «Наташа, выбирайте Новгородский политех. Преподавание – это Ваше». И хотя было время, когда я уходила на другую работу, Яков Юрьевич оказался прав – преподавание действительно моё дело.